

ИНФИНИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ОБЪЕКТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (На материале монгольских языков)

Известно, что типология не существует вне сравнения изоморфных и алломорфных явлений в строе разных языков, в том числе и близкородственных. Типологическое сравнение на каждом из выделяемых уровней позволяет выявить объем и характер сходств и различий. Возможности такого рода сопоставлений достаточно велики, поскольку за основу могут быть взяты не только отдельные факты, но и совокупность фактов, относящихся к различным подсистемам языка.

Важнейшие типологические черты монгольских языков как одного из членов алтайской лингвистической общности определяются структурой слова, агглютинативного по своей сути. Вместе с тем целый ряд типологически существенных признаков монгольских языков заложен в их синтаксисе. В этом отношении особое внимание исследователей привлекает тип сложных построений, в которых подчиненная часть представляет инфинитную конструкцию, состоящую как минимум из двух базовых элементов: субъекта действия и предиката в неличной, причастно-деепричастной форме глагола. Являясь зависимым компонентом сложной фразы, инфинитная конструкция монгольских и шире — алтайских языков — выступает как реальная и вполне сопоставимая типологическая единица. Говоря о типологических изысканиях в алтаистике, Г. Д. Санжеев указывал на необходимость установления причин различного выражения одних и тех же явлений, в частности субъекта причастных и деепричастных оборотов [1]. Исследования показывают, что основные структурные типы инфинитных конструкций едины для всех алтайских языков, которым присущи следующие особенности: 1) оформление субъекта инфинитных конструкций в неопределенном (иначе прямом, основном, именительном), а также в родительном и винительном падежах; 2) последовательное использование морфологических средств для связи инфинитных конструкций с главным предложением (аффиксов деепричастий, падежных и падежно-последовательных форм причастий); 3) употребление аффиксов притяжения при неличных формах глагола [2].

Регулярное совпадение моделей предложений с зависимой предикацией в алтайских языках представляется отнюдь не случайным. Оно свидетельствует не только об их типологическом единстве, но и генетической общности. Можно полагать, что модель построения алтайского гипотаксиса с инфинитной конструкцией развивалась в каждом из алтайских языков на основе общего синтаксического инварианта, роль которого, возможно, отводилась конструкциям с субъектом в неопределенном падеже.

В свете сказанного цель данной статьи состоит в общей типологической оценке монгольских инфинитных конструкций со стороны формы и содержания, выявлении сходных и различительных черт в оформлении их субъекта и предиката. В понимании и трактовке инфинитной конструкции мы исходим из концепции полипредикативного синтаксиса, позволяющей рассматривать конструкции разной степени сложности и разного качества (включая и собственно сложные предложения) под единым углом зрения [3, 4]. Большое разнообразие инфинитных форм глагола составляет одну из типичных особенностей монгольских языков, где организация сложных высказываний строится, как и в других алтай-

ских языках, на преимущественном использовании причастий и деепричастий в качестве так называемых «срединных», «второстепенных» или «неконечных» сказуемых. Выступая в качестве синтетических средств связи между частями сложных фраз с нерархическим строением, они во многих отношениях замещают аналитический финитно-союзный способ выражения синтаксической зависимости компонентов «целого», который столь характерен для индоевропейских языков.

Модели конструкций с неличными формами глаголов в содержательном и структурно-функциональном плане далеко не однородны. Для монгольских языков показательны три класса таких сложных фраз, дифференцирующихся по наличию или отсутствию в зависимой части отдельного субъекта-лица. На этом основании различаются: 1) моносубъектные фразы, где ситуации, описываемые в главной и зависимой частях, соотносятся с общим для них действующим лицом; 2) разносубъектные фразы, для которых свойственно наличие самостоятельного исполнителя действия в каждом из составляющих частей целого; 3) вариативно-субъектные фразы, где лицо — носитель действия, лексически может не эксплицироваться, выражаясь лишь грамматически через аффиксы личной принадлежности.

В современных монголоведных исследованиях существуют различные точки зрения на синтаксический статус субъектных конструкций с неличными формами. Некоторые монголисты, следуя А. Бобровникову, называют их «членными предложениями», другие считают их специфической формой выражения придаточных, третьи — развернутыми членами предложения и т. д. Учитывая, что конструкции с субъектным именем являются полными семантическими аналогами придаточных предложений, а в коммуникативном аспекте — важным информационным звеном всего высказывания в целом, их следует квалифицировать как полупредикативные единицы или зависимые предикативные единицы.

В качестве формирующих членов инфинитивной конструкции чаще всего встречаются такие деепричастия, как соединительное, слитное и раздельное, а также условное, предельное и некоторые другие, например, последовательное и продолжительное. Из причастий наиболее употребительны будущее, прошедшее, настоящее-прошедшее и многократное. Остальные формы используются реже.

По признаку падежного оформления субъекта инфинитивные конструкции монгольских языков подразделяются на четыре типа: аккузативные, генитивные, номинативные и аблативные. В калмыцком и халха-монгольском языках падежная форма, обозначающая субъект зависимой предикации, настолько подвижна, что в пределах одной и той же конструкции возможны различные варианты реализации падежа субъектного имени. Ср., например, монг. *Сурьяагийн орж ирэхэд* и *Сурьяаг орж ирэхэд* — *Сурьяа орж ирэхэд* «Когда вошла Сурья». В этих структурно и функционально однотипных конструкциях при одной и той же неличной форме субъект представлен в трех взаимозамещаемых падежах: генитиве, аккузативе и номинативе. Такая же картина наблюдается и в калмыцком языке. Ср. калм. *Тедн ирхинь би меднэв* и *Тедниг ирхинь би меднэв* «Я знаю о том, что они придут». Здесь вполне допустимо оформление субъекта и в им. падеже: *Тедн ирхинь би меднэв*. В первых двух примерах субъект стоит в генитиве и аккузативе. В связи с такими случаями встает вопрос о предпочтительности какой-либо из указанных падежных форм. Для этого существенно иметь в виду, на что акцентируется внимание

говорящего или пишущего: на субъект, его действие или на то и другое в равной мере. Поэтому, на наш взгляд, правы те монголисты, которые считают, что, если необходимо подчеркнуть значение принадлежности признака-действия, то его субъект-обладатель оформляется в род. падеже. Подтверждением может явиться тот факт, что конструкцией с местоименным субъектом в генитиве без нарушения смысла в целях логического выделения идеи принадлежности действия могут сопровождаться показателями личного притяжания. Ср. калм. *Тана келсиг мартшгов* — *Тана келситн мартшгов* — *Келситн мартшгов* «Не забуду, что вы сказали (= сказанное вами)». Если же внимание сосредоточено на самом исполнителе действия, то он, как правило, бывает оформлен в аккузативе. Если нет надобности в сознательном выделении субъекта, то он выражается номинативом [5].

Употребление конкретного падежа субъектного имени определяется формой причастия или деепричастия, а также зависит от того, является ли субъект одушевленным или нет. Так, для калмыцкого и халха-монгольского языков вин. падеж показателен в тех случаях, когда исполнитель действия относится, по словам А. Бобровникова, к «разумным существам» [6] и обозначается именем собственным или местоимением, а в роли опорного слова конструкции выступают причастия прош. и буд. времени в вин. или дат. падежах: калм. *Санжиг комсомолд орсиг соңсладн* «Слышали о том, что Санджи вступил в комсомол»; монг. *Хандмааг ярихад...* «Когда говорила Хандма...»; *Чамайг морио авчирсныг бид мэдсэнгүй* «Мы не знали, что ты привел лошадь»; *Биднийг маргааш ирэхийг багш мэднэ* «Учитель знает о том, что мы приедем завтра».

В бурятском языке в подобного рода конструкциях употребляется исключительно генитивная форма субъекта: *Шинии ябахыг мэдээб* «Узнал, что ты уезжаешь (= о твоём отъезде)»; *Тэрээнэй хэлэхэндэ би этигэнэм* «Я верю тому, что он сказал»; *Дугарай наднаа асуухада* «Когда спросил у меня».

Винительный субъекта в калмыцком и халха-монгольском языках используется преимущественно и в тех случаях, когда посетитель действия является лицом одушевленным, а зависимый предикат выражен деепричастиями предела и условия, которые могут принимать частицы личного притяжания: монг. *Тэднийг гэртээ очтол нь бороо намжив* «Пока они добрались домой, дождь прекратился»; *Таныг зөвшөөрвөл би танд туслана* «Если вы разрешите, я помогу вам»; калм. *Намаг иртл чи энд күлэжэ* «Ты подожди здесь, пока я приду»; *Ахлагич орж ирхлэнь, хург эвлэ* «Когда пришел председатель, началось собрание».

В бурятском языке в аналогичных ситуациях, когда речь идет о людях и вообще «активных предметах», строго закреплён генитив: *Зоной хараһаар байтар...* «Пока люди продолжали смотреть...»; *Шинии аймагнаа эрбэл...* «Если ты приедешь из аймака...».

В калмыцком и халха-монгольском языках винительный субъекта регулярно употребляется в конструкциях с падежно-последложными формами причастий: монг. *Багачуудыг эрдэм сургахын төлөө...* «Для того чтобы дети учились наукам...»; *Чамайг очихоос өмнө...* «До того, как ты пойдешь...»; калм. *Гиичиг мордсна арднь* «После отъезда гостя»; *Ковүг келж дутм* «По мере того, как говорил мальчик». В халха-монгольском языке, в отличие от калмыцкого, винительный субъекта употребляется в конструкциях с причастием прош. времени, стоящем в исх. падеже: *Ахыг гэртээ харьснаас би хөдөө явсан* «После того, как брат вернулся домой, я поехал в худон». Если для калмыцкого и халха-монгольского языков

аккузативные конструкции — явление типичное, то в бурятском языке они не встречаются [7, с. 130].

Субъект инфинитных конструкций бывает представлен род. падежом, если он обозначает одушевленный предмет и при нем имеется причастие прош. времени в им. падеже: монг. *Таны авчирсан номыг уншлаа* «Книгу, которую вы принесли, прочитал(-а)»; калм. *Чини бичсн бичг йир сонън* «Письмо, которое ты написал, очень интересное»; бурят. *Тогоошоной хэжэн хооло* «Пища, приготовленная поваром».

Родительный субъекта характерен и для конструкций с причастиями в формах прош. и буд. времени, а также с причастиями многократности и однократности, которые нередко сопровождаются лично-притяжательными частицами: монг. *Бид хоерын шивэгнэх нь сурагчдын анхаарал татав* «Нам перешептывание привлекло внимание учеников»; бурят. *Шини хэлдэгшини гайхалтай* «То, что ты говоришь, удивительно»; калм. *Бичкүдин альвэлдгн келхм биш* «О том, как шалят малыши, не стоит и говорить».

Субъект обязательно выражается род. падежом, если ведущее слово конструкции является причастием прош. и буд. времени в исходном падеже: монг. *Бид та нарын түүснээс жимс түүл* «Мы собирали ягоды там же, где и вы»; калм. *Чини кедлэхс ода чигн эрт* «Еще не пришло время, чтобы ты работал». Когда зависимый предикат — причастие прош. времени стоит в род. падеже, то и действующее лицо нередко оформляется в генитиве, что имеет место в калмыцком и бурятском языках. Примеры: калм. *Теднэ ирснэ марһудурснь...* «Со следующего дня, как они приехали...»; бурят. *Танай оролсоһоной хэрэггүй* «Вам не следует вмешиваться».

Подобные факты свидетельствуют о наличии своеобразного «согласования» субъектного имени и возглавляющего конструкцию причастия в падеже по формуле: S род. п. $\supseteq$ Р род. п. В калмыцком и халха-монгольском языках наблюдается корреляция субъектного имени и формирующего члена — причастия в вин. падеже по формуле: S вин. п. $\supseteq$ Р вин. п. Ср. монг. *Биднийг маргааш ирэхийг багш мэднэ* «Учитель знает о том, что мы приедем завтра»; *Тер хоорнд Манжиг теңрэд хасиг үзсн Нэрэ хээкржэ йовна* «Тем временем Гаря, видевший, как Манджи выстрелил вверх, поднял крик». Такое явление допускается, когда причастие управляется переходным глаголом с семантикой восприятия, мыслительной деятельности и сообщения.

Им. падеж субъекта в инфинитных конструкциях монгольских языков употребляется, когда зависимый предикат представлен формами соединительного, слитного и разделительного деепричастий: монг. *Нар шингэж, харанхуй болов* «Солнце закатилось, и стало темно»; *Тэнгэр дуугаран, бороо оров* «Загремел гром, пошел дождь»; *Кийтин үел чилн, хавр болов* «Кончилась холодная зима, наступила весна»; бурят. *Ахань гэртэ ороод, дуунь газар үлэбэ* «Старший брат зашел в дом, а младший остался на дворе». В бурятском и монгольском языках, когда речь идет о явлениях природы или явлениях космического и атмосферного порядка, субъект имени в инфинитных конструкциях выражается основой: *нара гарахада* «когда солнце восходит», *саһа ороходо* «когда снег идет» [7, с. 131]. В калмыцком же языке в таких случаях всегда употребляется им. падеж: калмыки говорят *нарн һархд*, *цасн орхд* или *нарн һархла*, *цасн орхла*. В бурятском языке субъект в подобных конструкциях допускает генитивное оформление: *Наранай оротор гэртээ хүрэхэдди* «До захода солнца мы доберемся домой».

В современных монгольских языках, в частности, в калмыцком и халха-монгольском, активно проявляется тенденция к постепенной номинативизации субъекта инфинитных конструкций. В них протекает процесс замещения вин. и род. падежей именительным. «Появление номинатива в субъектном имени свидетельствует о глубине сдвигов, происшедших в падежных формах в системе оборотов монгольского языка», — к такому заключению пришел в свое время Т. А. Бертагаев [8]. По данным Б. Х. Тодаевой, в баоаньском и дунсянском языках им. падеж субъекта в конструкциях с неличными формами окончательно вытеснил родительный и винительный [9]. Номинативизация субъектного имени создает предпосылки для качественного изменения структуры инфинитной конструкции и перехода их в придаточное предложение.

Халха-монгольский язык резко отличается от калмыцкого и бурятского языков тем, что в нем широко бытует инфинитная конструкция с субъектом в исх. падеже. Аблативная конструкция в какой-то степени близка к генитивной, о чем говорят отдельные примеры их взаимозамещения. Ср.: *Бага Хураалаас гаргасан тогтоол* «Постановление, изданное Малым Хуралом» и *Бага Хураалын гаргасан тогтоол*; *Миний ахаас өгсөн хонь* «Овца, подаренная моим братом» и *Миний ахын өгсөн хонь*. Особенностью аблативной конструкции является то, что в нем зависимый предикат бывает всегда выражен причастием переходного глагола, а родительный субъекта в этом языке также тяготеет к переходному глаголу. Инфинитная конструкция с аблативом отсутствует в бурятском языке, а в калмыцком она встречается крайне редко: *Зурһанас мөнд гисн э һарснь ирсн күүнэ дотркиз уутһуулав* «То, что Зурган ответил приветствием, вселило надежду и ободрило вошедшего». Эту конструкцию некоторые монголисты склонны относить к заимствованным явлениям, но, как справедливо заметил Т. А. Бертагаев, при этом не указываются ее источники и время проникновения в монгольские языки [10].

Таким образом, в монгольских языках, особенно в халха-монгольском и калмыцком, субъект инфинитной конструкции реализуется в нескольких падежных формах, однако преобладающей из них является аккумулятив. В бурятских же инфинитных конструкциях безраздельно господствует генитивная форма субъекта.

Анализ структурных и семантических особенностей функционирования монгольских конструкций с неличными формами помогает понять закономерности проявления в рамках гипотаксиса механизма зависимой предикации, что имеет важное значение для синтаксической типологии алтайских языков. В данном отношении специфически монгольскими чертами (за исключением бурятского) можно считать постановку субъекта зависимой конструкции в вин. падеже, а также наличие своеобразного падежного согласования субъектного имени и его предиката в системе причастно-деепричастных оборотов¹. Разработка проблем, связанных с типологическим сравнением, устанавливающим общее и частное в разных алтайских языках, способствует выявлению и описанию таких фактов и явлений, которые определяют основные тенденции развития их грамматического строя. С этой точки зрения учет синтаксических совпадений и не-

¹ На случаи падежного согласования причастия буд. времени с предшествующим именем существительным указывает Г. Дёрфер в исследовании, посвященном синтаксису «Сокровенного сказания монголов». В частности, им приводится следующий пример из текста этого древнейшего памятника монгольской письменности: *ere-yi* (вин. п.) *irekü-yi* (вин. п.) *üjebe* «мужчину приходящего увидел» [11].

соответствий необходим для полноты типологической характеристики алтайской языковой общности, определения степени родства отдельных его членов [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Санжеев Г. Д. Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965. С. 89.
2. Черемисина М. И. Исследования сложного предложения в алтайских языках // Урал-алтаистика. Археология. Этнография. Новосибирск, 1985. С. 180.
3. Скрибник Е. К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (На материале бурятского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
4. Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.
5. Цэдэндэмба Ц. Грамматическая характеристика причастий и их структурно-семантические особенности в современном монгольском языке (в сопоставлении с причастием русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 24.
6. Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. С. 283.
7. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.— Л., 1941.
8. Бертагаев Т. А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964. С. 235.
9. Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960. С. 105, 108.
10. Бертагаев Т. А. Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967. С. 278.
11. Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen // CAJ. V. 1. № 4. S. 244.
12. Fokos-Fuchs D. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962. S. 7.

КУЗЬМЕНКОВ Е. А.

МОНГОЛЬСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МАНЬЧЖУРСКОМ И ДИАЛЕКТНАЯ БАЗА СТАРОМОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Среди маньчжурских монголизмов немало слов, близких к старописьменным монгольским формам, но появившихся в маньчжурском без посредничества старописьменного монгольского языка (СПМЯ). Наличие этих заимствований позволяет предполагать фонетическую реальность СПМЯ и даже сделать некоторые выводы относительно его возможного диалектного прототипа. Речь идет прежде всего о тех словах, которые зафиксированы в чжурчженских источниках и, следовательно, вошли в маньчжурский еще до XVI в., когда маньчжуры использовали СПМЯ в своих канцеляриях [1]. Многие из этих заимствований относятся к Цзиньской эпохе [2, 3] или к еще более раннему времени (X—XII вв.), и тем самым практически исключается возможность непосредственного копирования уйгуро-монгольского образца. Уточнить датировку помогает наличие повторных заимствований сходных форм в тунгусо-маньчжурских языках. Приведем несколько примеров¹.

¹ Сокращения: чж. — чжурчженский в упрощенной транскрипции по В. Грубе и Х. Ямадзи [2, 3], ма. — маньчжурский по И. И. Захарову [1], нан. — навайский, ульч. — ульчский, ороч. — ороцкий, уд. — удэйский, эвен. — эвенский, эвенк. — эвенкийский, сол. — солонский, орок. — орокский, тунг. — общетунгусский; все тунгус-